

при котором между семантикой и синтаксисом нет никакой границы — грамматика предстает в виде «однородного» устройства, соотносящего семантические репрезентации и поверхностные структуры с помощью правил одного типа — трансформаций⁴. Значительная часть работ, написанных сторонниками порождающей семантики, ставила своей целью продемонстрировать несовместимость понятия глубинной структуры с фактами языка и показать преимущества нового взгляда на грамматику. К работам такого рода относится включенная в сборник статья П. Посталя «О поверхностном глаголе *remind* (напоминать)», ранее напечатанная в «Linguistic Inquiry», т. I, № 1.

История развития семантической проблематики в рамках генеративной лингвистики, завершившаяся созданием указанных двух противостоящих друг другу семантических теорий, рассматривается в открывающей сборник статье Б. Х. Парти «О требовании сохранения значения при трансформации», где в форме вопроса о сохранении значения при трансформации выступает все тот же вопрос об отношении семантики к синтаксису. Этот принцип в большинстве случаев находит подтверждение в исследовательской практике, но существует ряд языковых фактов, задача описания которых ставит лингвиста перед выбором: либо во что бы то ни стало добиваться описания, отвечающего данному принципу, пусть даже оно покажется недостаточно простым, либо признать, что в данном случае принцип не проходит. Представители интерпретирующей семантики предпочитают отказаться от принципа сохранения значения при трансформациях в целях простоты описания фактов, связанных с референцией, кванторами и отрицанием, допуская, что на уровне глубинной структуры определяется только то значение, которое связано с основными грамматическими отношениями между главными лексическими категориями, а все прочие элементы значения определяются на уровне поверхностной структуры (т. е. трансформации, переводящие глубинную структуру в поверхностную, меняя значение). Сторонники порождающей семантики, напротив, кладут гипотезу о сохранении значения при трансформациях в основу своей теории, считая, что те и только те предложения, которые являются перифразами друг друга, должны иметь одинаковое глубинное представление. Это потребовало формулирования глубинных репрезентаций на гораздо более абстрактном уровне, чем это предусматривалось в стандартной теории порождающих грамматик. В статье приводится целый ряд языковых явлений, имеющих альтернативные, с точки

зрения данного принципа, описания, и дается критика этих описаний. Позиция автора в разбираемом вопросе такова: «Все те части значения, которые связаны с истинностным значением..., определяют на уровне глубинной структуры и сохраняются трансформационными правилами; изменяться же в ходе трансформационного вывода могут как раз те более тонкие аспекты «значения», которые обозначаются терминами «топикализация», «фокус», «пресуппозиция» и т. п. малопонятными категориями» (с. 9)⁵. По-видимому, это свидетельствует о недостаточной разработанности в теории Хомского вопросов, связанных со значением предложения, которая является следствием отказа от анализа фактов, связанных с употреблением предложения, — ситуативной привязанности, коммуникативного задания и т. п.

Все прочие статьи сборника прямо или косвенно связаны с проблемой пресуппозиции, являясь либо попытками теоретически осмыслить это относительно новое для лингвистики понятие, либо опытами пресуппозиционного анализа тех или иных языковых явлений. Разговор о пресуппозиции открывается статьей Р. Гарнера «„Пресуппозиция“ в философии и в лингвистике». Это естественно, так как, прежде чем перейти к знакомству со взглядами различных лингвистов по данному вопросу, полезно иметь некоторую «рамку» для сравнения этих взглядов между собой и сопоставления их с пониманием пресуппозиции в философии. В работе Гарнера в качестве такой «рамки» предлагается рассматривать два вопроса — какова область допустимых значений переменных x и y в формуле « x имеет пресуппозицию y » и что является результатом нарушения пресуппозиции, ответы на которые, действительно, дают полное представление о том, как понимает пресуппозицию тот или иной автор. Проанализировав таким образом три определения пресуппозиции, принадлежащие философам Фреге, Стросону и Селларсу, Гарнер приходит к выводу, что несмотря на некоторые различия, они имели в виду одно и то же явление. Они говорили о пресуппозициях утверждений, а не предложений (одно и то же предложение, употребленное в различных условиях, может манифестировать акт утверждения, обещания, угрозы, выражения намерений и т. п. «речевые акты», по терминологии Остина) и в качестве пресуппозиций рассматривали либо сам факт наличия у субъектной составляющей используемого предложения референта, либо утверждение о существовании такого референта. Если пресуппозиция нарушена, т. е. отсутствует референт или ложно утверждение о его существовании, то считается, что речевой акт не осуществился или не достиг своей цели. В отличие от философов лингвисты занимаются пресуппозициями предложений,

⁴ Ср. с наличием особых правил семантической интерпретации — правил проекции — в стандартной теории трансформационных порождающих грамматик.

⁵ Здесь и далее перевод автора. — И. К.